2023-06-02 **Реквием**

Сегодня я узнала, что моего однокашника и одноклассника Кольку Колесникова привезли хоронить ОТТУДА. Если есть боль бесслёзная, раздирающая, до мурашек, до скрежета зубов, до сжатых в кровь кулаков, то я теперь знаю, что это такое. Прости нас, Колька. Я сегодня еще раз поняла, какая высокая цена у молчания и равнодушия.

Мир жесток, абсурден.

И не только...

Проклинать бессмысленно судьбу.

Привезли тебя, дружище Колька,

В леденелом цинковом гробу.

В этот век седой и многогрешный

Говорливых прячут под замки.

Защищал ты Родину, конечно.

А еще... чужие кошельки.

До удушья и до одичанья,

До зубного скрежета без сна...

Ты прости нас, Колька, за молчанье.

Колька, слышишь, Колька?!

Тишина.

То же солнце вечное над нами

Так же вербы шепчут у реки.

Отпоют тебя в родимом храме.

Не держать тебе Победы знамя,

Не поднять простреленной руки.

Ты глядишь на нас теперь из рая.

Жизнью оплатил ты пропуск в рай.

Мы притворно ничего не знаем.

Нас не тронут. "Наша хата с краю".

Только вышло всё давно за край.

И врастает в души сизой грустью

Горькая суровая полынь.

Вьется смрад предательства над Русью.

Василиск жестокий не отпустит.

Господи, спаси. И не покинь.

…А Кольку привезли в холодном закрытом гробу. В закрытом, чтобы не оскорблять наши эстетические чувства и не травмировать психику. Точнее, привезли то, что осталось от Кольки - моего однокашника и одноклассника.

Вспоминаю нашу группу в детском саду. Смуглые тонкие руки Кольки и черную взлохмаченную шевелюру. Он все время почему-то хотел есть. Может, рос потому что. А может, потому что их двоих с братом тянула на себе мать, худая уставшая женщина с вечной гулькой на затылке и в очках с широкими линзами?

Я никогда не видела её улыбки.

Трудилась Колькина мать в нашей колхозной столовой уборщицей. Та еще работка, скажу я вам. Столовая, помимо сотрудников колхоза "Большевик", кормила тогда всю нашу школу с 1-го по 9-й класс. Мы прибегали на большой перемене, как татаро-монгольское иго, и сметали всё, что можно со столов, аккуратно накрытых дежурными старшеклассниками. Мать Кольки после нашей шумной трапезы всегда безропотно вытирала за нами грязные столы. А я часто думала, как это ей не противно подтирать чужие объедки? Глупая была я тогда.

С Колькой мы учились в одном классе. Любил он почудить, поерничать, посмешить окружающих.

Вот сейчас передо мной всплывает его белозубая улыбка на смуглом лице и тёмные, похожие на черную смородину глаза.

Вот так, Колька. В последний раз сегодня ты пройдешь от храма, мимо родной школы, к нашему сельскому погосту. И всё.

Хотя нет. Когда ты пролил кровь, в чей-то большой кошелек капнула энная сумма, и чьи-то отпрыски, отдыхая на знойном побережье, купили себе еще один коктейль. А виноваты в этом только мы сами. Потому что тогда, когда ещё всё можно было изменить и предотвратить, кто-то не пошёл на выборы, кто-то безропотно проголосовал за своих угнетателей, а ещё кто-то ради жалкой подачки совал в урну фальшивые бюллетени.

Я не хочу думать сейчас о твоей мамке, Колька. Господи, наверное, у нее совсем не осталось темных волос. Их съела страшная седина. Страшная, не потому что белая, а потому что горькая и безнадёжная.

Я знаю, Колька, тебя встретили самые светлые Ангелы. И ты сейчас смотришь на нас с неземных высот и думаешь: "Вот, чудаки. Есть же Родина- Россия! Она наша, наша общая. И каждый из нас ей нужен, потому что она нас любит. Любит как умеет: болезненно, жгуче и безысходно."

И ты улыбаешься своей ясной улыбкой, а ветер треплет твои черные, как смоль, волосы, Колька.

Ирина Глушкова,

член Союза писателей России